
Л. А. КРАСНОВА

**ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ
ХАННЫ АРЕНДТ И ЭКСПЕРИМЕНТЫ
СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ:
ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧИЕ**

В статье проанализированы положения двух сторон: идеи философа Ханны Арендт и двух крупных специалистов XX в. по социальной психологии: Стэнли Милгрэма и Филипа Зимбардо. Есть ли общие представления, и если да, то какие? В чем отличия взглядов? Каким образом проблема авторитета интересует психологов? Автор данной статьи пытается ответить на эти вопросы и показать важность проблемы авторитета с точки зрения философии, этики и социальной психологии.

Ключевые слова: авторитет, этика, социальная психология.

The article analyzes the statements of the both sides: Hannah Arendt's philosophical ideas and two prominent social psychologists of the 20th century Stanley Milgram and Philip Zimbardo. Are there any general ideas and, if it is so, which ones? What are the differences of opinions? How does the problem of authority interest psychologists? The author of this article attempts to answer these questions and to demonstrate the importance of the problem of authority from the point of view of philosophy, ethics and social psychology.

Keywords: authority, ethics, social psychology.

Эпиграфом к III части книги «Истоки тоталитаризма» [Арендт 1996] немецко-американского мыслителя Ханны Арендт служат слова бывшего узника Бухенвальда Давида Руссе: «Нормальные люди не знают, что все возможно». Люди знают, однако им трудно представить, трудно поверить, что может случиться нечто противное разумной человеческой природе, совершаемое такими же, как они сами. После событий Второй мировой войны была распространена точка зрения, что повтор в таком же масштабе невозможен,

Философия и общество, № 4 2017 96–103

что люди изменились, что «коллапс морали»¹, говоря словами Арендт [2013б: 75], больше не произойдет. «Винтики системы» огромного политического механизма ведь всего лишь выполняли приказ, и считалось, что после крушения и полного анализа тоталитаризма, гитлеризма встреча с такими людьми маловероятна.

Ханна Арендт проводит свои исследования в основном со стороны философии, истории, политики и права и с этой позиции рассматривает моральную проблематику. Кроме общеизвестных понятий (таких как «тоталитаризм», «банальность зла», «ответственность»), Арендт детально рассматривает понятие авторитета, главная суть которого – «это все то, что заставляет людей слушаться» [Ее же 2014: 155]. Если обратиться к негативному контексту данного понятия, по мнению Арендт, сегодня авторитет исчез в связи с его произошедшим кризисом. Случился «крах всех традиционных авторитетов» [Там же: 138], моделей, устоявшихся ранее примеров образа жизни, когда они перестали быть прочной опорой. При тоталитарном режиме, например, остается насилие в качестве главного инструмента правления, поэтому понятия «авторитет» и «насилие» становятся равными по значению, взаимозаменяемыми, что неверно, подчеркивает Арендт. В итоге мы видим, что «авторитет» все же остается – в отрицательном смысле.

Примерно в это же время, когда Ханна Арендт публикует свои работы, возникают параллельные исследования в сфере социальной психологии, а именно – в сфере экспериментов в данной области. Специалисты данной отрасли, как и Арендт, заинтересованы в исследовании проблем авторитета и со своей стороны делают определенные выводы.

Так, например, американский психолог Стэнли Милгрэм считает, что Ханна Арендт включена в список тех, кто повлиял на становление социальной психологии вообще. Ученый также опирался в своих исследованиях, помимо собственных экспериментов, на итоги работ своего учителя Соломона Аша о конформности, о социальном давлении на решение и выбор отдельного индивида.

¹ Под «коллапсом морали», по Арендт, следует понимать ситуацию, когда нравственные дела становятся незаконными (в данном случае под нравственными делами подразумеваются явное и открытое несогласие с насилием над теми, кто в действительности невиновен).

Стэнли Милгрэм знаменит своим экспериментом в области подчинения, состоявшим в том, что группа испытуемых делилась условно на учителей и учеников. Ученик должен выполнять тривиальное задание, но если он ошибется, то учитель обязан наказать его ударом тока. Если ошибка повторялась, учитель увеличивал напряжение. Эксперимент был всего лишь игрой с ненастоящим током. Ожидалось, что никто не дойдет до совершения максимального наказания. Однако эксперимент показал, что более половины учителей продолжали наказывать учеников. Учителя не задумывались, что причиняли боль и что мог последовать летальный исход. Некоторые останавливались, но потом продолжали наказание, когда экспериментатор на этом настаивал.

Человек, его моральные принципы оказываются под влиянием авторитета, вышестоящего лица, который оправдывает все совершенные действия. Подобное мы видим в истории с А. Эйхманом², случившейся не в лаборатории, где сам экспериментатор был авторитетом. Другой социальный психолог, Филип Зимбардо, который изучал результаты работ Милгрэма, заметил, что в данном эксперименте присутствовали «атрибуты “авторитетности”» [Зимбардо, Ляйппе 2011: 91], такие как белый халат, ученый-организатор и его наука, ради которой все происходит. Такую мысль Зимбардо можно перенести на исторические события, о которых не раз говорила Х. Арндт.

Из работы «Подчинение авторитету: Научный взгляд на власть и мораль» С. Милгрэма [2016] стоит выделить момент, касающийся положения авторитета по отношению к тому, кому он отдает распоряжение (или приказ, если перейти на арндтовский язык). Милгрэм называет это «близостью авторитета». Чем ближе находится авторитет, тем выше степень подчинения. Если авторитет-экспериментатор обращается по телефону, то испытуемый старается не увеличивать напряжение тока. Этим он пытается сгладить свой внутренний конфликт. Милгрэм считает такой момент важным пунктом в теории подчинения.

² Дело немецкого офицера Адольфа Эйхмана, ответственного за уничтожение евреев в период Второй мировой войны и представшего перед судом в Иерусалиме в 1961 г., было детально рассмотрено Ханной Арндт в книге-репортаже «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме» [Арндт 2008].

То же самое происходило и в нацистской Германии. Известны случаи, когда «винтики» системы, надзиратели, оказывали небольшую помощь своим узникам из лагерей смерти. Упомянутый ранее Зимбардо также отмечает это в своем эксперименте, называя «хорошими» тех, кто хоть немного сопротивлялся, оказывал небольшие услуги, проявлял сочувствие. Все это происходило вне ведения авторитета (экспериментатора).

Свой эксперимент Филип Зимбардо подробно описывает в книге «Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев» [Зимбардо 2014]. Он проходил в более жестокой форме, чем эксперимент Милгрэма. У С. Милгрэма удары тока были ненастоящими, по завершении эксперимента люди ужасались и тут же осознавали, что хотела понять социальная психология в человеческой природе. Исследование Зимбардо носило еще более выраженный реалистичный характер: была организована искусственная тюрьма, где находились «охранники» и «заключенные». Участники эксперимента постепенно входили в свою роль, полностью погружались в нее. По словам некоторых из участников такого эксперимента, роль, униформа, задания, которые должны были быть выполнены, заставляли человека изменить самого себя, свой повседневный характер. Они не были теми, кем были раньше, а играли свою роль. Итак, одни подчинялись, а другие – наказывали, даже проявляли злоупотребление своей властью.

Зимбардо делает много выводов из своего исследования. Отметим лишь некоторые из них, интересные для нашей темы.

Во-первых, в ходе тюремного эксперимента отсутствовало сопротивление с двух сторон (были редкие исключения, немногие покидали проект в силу того, что не могли далее находиться в таких условиях). Это отмечает и Ханна Арендт, которая не встает ни на сторону авторитета/«винтика» системы, ни на сторону жертвы/подчиненного. Если Арендт вводит понятие «банальности зла», то Зимбардо дополняет его, вводя понятие «зло бездействия». Данное понятие заключается в том, что тот, кто знает, что именно происходит, но молчит, выражает одобрение происходящему злу. Четкая граница добра и зла размывается. «Один из самых главных, но наименее заметных пособников зла – не главный злодей, а без-

молвный хор, который смотрит, но не видит, слушает, но не слышит» [Зимбардо 2014: 471].

Во-вторых, эксперимент проводился дольше, чем планировалось. Зимбардо это признавал и приносил извинения, что вставал на сторону зла и жестокости. Организатор эксперимента осознал, что необходим был еще кто-то, кто остановит и его самого, и сам эксперимент. Зимбардо хоть и был авторитетом, но и сам в нем нуждался, чтобы быть полностью уверенным в правильности действий. Это подтверждает тот факт, что авторитет необходим (хотя бы для того, чтобы избежать допущения зла и самому его не совершить).

В-третьих, «каждый из нас может с легкостью стать героем или злодеем, в зависимости от того, какие ситуационные силы на нас влияют» [Там же: 677]. Роли в эксперименте были распределены случайно. И тот, кто готов был выступить против этих сил, пойти на риск, становится героем, идущим против жестокости и несправедливости. Как говорит Ф. Зимбардо, такие «герои», творцы «банальности героизма», так же непредсказуемы, как и те, кто оказывается большинством, творцами «банального зла». Неизвестно заранее, кто какую позицию займет и как ситуация повлияет на человека.

В связи с этим возникает мысль, что за происходящее ответственна лишь ситуация или тот, кто создал ситуацию, и нет никакой личной ответственности самого деятеля. Выходит, такую точку зрения можно считать критикой арендтовских идей, так как философ отстаивает роль ответственности именно человека или группы людей. Кроме Зимбардо, и другие социальные психологи [Gilovich *et al.* 2010: 301] утверждают, что даже если бы нашлись те, кто захотел остановить действия авторитета, то они смогли бы это сделать в обычных обстоятельствах, однако в ситуации ужасающего внутреннего конфликта, морального выбора и стресса они находятся в сомнении, не уверены насчет того, как именно это сделать, как предотвратить подчинение подобному авторитету.

Филип Зимбардо рассматривает и другие случаи в теории подчинения. Так, например, он рассказывает про учителя истории Рона Джонса [Пайнс, Маслач 2001: 260–276], который провел своеобразную ролевую игру (эксперимент «Третья волна») со своими

учениками. Джонс ввел законы (к примеру, «сила всеобщности», «сила в дисциплине»), членские билеты, распространение доносов и прочее. Ученики были настолько увлечены, что перестали воспринимать все происходящее как игру (один ученик даже предложил учителю-лидеру стать его личным телохранителем). Когда преподавателя спрашивали, что происходит, то ответ был таким: «Мы просто изучаем немецкий тип личности». Ученики продолжали выполнять различные распоряжения (однажды, например, девушки должны были уйти в библиотеку, и впускать их в класс было нельзя). В конце концов учитель объяснил, что поведение учащихся не отличалось от поведения фашистов, это была манипуляция. Многие дети начинали плакать, им хотелось забыть о созданной так называемой «Третьей волне».

Появляется вопрос: ученики школы могли совершить зло? По утверждению Ханны Арендт, это было бы злом банальным, исходящим от немслящих людей под влиянием авторитета-учителя. Однако ученики прекрасно знали о военной Германии, о Холокосте. Они по собственному желанию выполняли все действия, потому что «так надо», они были увлечены идеей. Перед нами простые ученики школы из штата Калифорния, подростки, совсем не злодеи по своей природе. После выхода из игры, осознав, как легко можно перейти черту между добром и злом, они по-настоящему испугались, что могли бы быть приравнены к людям Третьего рейха.

Основным отличием является то, что для Ханны Арендт более важна не обстановка, ситуация, из-за которой происходят те или иные действия, а неспособность размышлять о собственном поступке, который может идти против норм морали. Но из перечисленных выше примеров следует, что данная способность, трансформируясь, сохраняется. Таким образом, в связи с подобными рассуждениями мы выходим на противоречие с арендтовскими идеями.

Нужно сказать, что Арендт – не психолог, а прежде всего мыслитель. Для Ханны Арендт важна способность к постоянному умению мыслить, рефлексировать над происходящим, над собственным поступком. Необходимо, отмечает она, чтобы у человека имела место такая склонность, как «остановиться и подумать» [Арендт 2013а: 13], привычка исследовать. У людей же не хватает в жизни

времени на это. Можно заключить, что если бы такое время и такая арендтовская склонность присутствовали абсолютно у всех, то, возможно, сейчас не было бы данной проблемы. Мыслящий субъект понимал бы, что и для чего делает, соотносится ли это с этикой, моралью, брал бы ответственность за свои поступки, а не перекладывал все на ситуацию, общественную систему, авторитет, другого человека или коллектив. Здесь можно упомянуть статью А. Московской, где точка зрения Х. Арендт по поводу мышления сопоставляется с романом «Благовоительницы» Джонатана Литтелла. В этом романе присутствует описание таких людей, как офицеры СС, Эйхман и другие подчиненные, но им приписывается вполне развитое понимание происходящего. В данной статье оспариваются идеи Арендт: «...мышление может быть беспомощно перед решением моральных проблем» [Московская 2015: 194–198].

С чем согласны все (и Арендт, и социальные психологи), так это с трудностью в сопротивлении авторитету, выявлении его намерений, соотношении их с критериями моральности, добра и зла, недопущении приглушения моральных ценностей и учете гибкости человеческой природы.

Социальная психология показывает эксперименты, из которых видно, что человек мог бы отказаться от своих действий, какую бы роль он ни играл, хотя это происходит редко. И С. Милгрэм, и Ф. Зимбардо в своих работах пишут о пользе проведенных экспериментов прежде всего для тех, кто оказался их участником. По завершении проекта участники могли проанализировать свои действия, понять основную задачу эксперимента. Проведение подобных экспериментов демонстрирует, как легко многие люди могут начать подчиняться и совершать преступления. Эксперименты ни в коей мере не могут сравниться с тем, что происходило в нацистской Германии, с масштабами происходящего, однако они помогают осознать, что проблема авторитета не исчезла, а также помогают внушить «скептицизм к авторитетам» [Милгрэм 2016: 158]. Трагедия и вопрос состоят в том, что и в военные годы, и в мирное время (то есть речь об участниках эксперимента со свободным выбором) исследователи приходят к одному и тому же результату: готовности подчиняться авторитету, несмотря ни на что.

Таким образом, этика переходит в сферу психологии, науки и, принимая на себя прикладной характер, дает свои ответы на поставленную проблему.

Литература

- Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М. : ЦентрКом, 1996.
- Арендт Х. Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме. М. : Европа, 2008.
- Арендт Х. Жизнь ума. СПб. : Наука, 2013а.
- Арендт Х. Ответственность и суждение. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2013б.
- Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2014.
- Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М. : Альпина нон-фикшн, 2014.
- Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. СПб. : Питер, 2011.
- Милгрэм С. Подчинение авторитету: Научный взгляд на власть и мораль. М. : Альпина нон-фикшн, 2016.
- Московская А. С. Понятие «банальность зла» в контексте проблемы мышления в политической философии Ханны Арендт // Инновации и инвестиции. 2015. № 1. С. 194–198.
- Пайнс Э., Маслач К. Практикум по социальной психологии. СПб. : Питер, 2001.
- Gilovich T., Keltner D., Nisbett R. Social Psychology. 2nd ed. New York, NY : W. W. Norton & Company, 2010.